

Пять причин её ухода

St. Nelson

St. Nelson

Пять причин её ухода

«Автор»

2026

Nelson S.

Пять причин её ухода / S. Nelson — «Автор», 2026

У Анны и Романа была идеальная, как всем казалось, жизнь. Роман — надежный, верный и предсказуемый муж. Он любит так, как умеет, но для Анны его язык любви давно стал чужим. За годы брака она привыкла говорить тише, просить меньше, фильтровать собственные эмоции и заранее готовиться повторять свои слова дважды, лишь бы не услышать раздраженное: «Ты опять выносишь мне мозг и всё драматизируешь?» Дмитрий — человек из прошлого, который умеет слушать. Человек, который замечает её усталость раньше, чем она успевает надеть маску, и предлагает помощь без условий, запросов и долгих объяснений. Он не пытается разрушить её брак, он лишь подсвечивает трещины, которые существовали годами. Это история не о банальной измене. Это глубокая и чувственная психологическая драма о точке невозврата. О пяти скрытых, безмолвных причинах, которые шаг за шагом заставляют женщину собрать чемодан и уйти в никуда — просто ради того, чтобы снова почувствовать себя живой.

© Nelson S., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Пять причин её ухода

Пролог

Анна всегда просыпалась на полчаса раньше Романа, даже в те редкие дни, когда могла позволить себе остаться в постели дольше. Она лежала неподвижно, уставившись в белую гладь потолка, и прислушивалась к ровному дыханию мужа. В этом звуке не было ни проблем, ни подспудного напряжения, ни вопросов, которые нельзя было бы решить простым утренним кофе.

Анна давно заметила в себе странную закономерность: когда вокруг становилось слишком тихо, её охватывала тревожная духота. Рома, неспособный понять природу её состояния, называл это женской истерикой. Но это было не просто беспокойство, а тяжёлое наследие сиротского детства, проведённого в провинциальном интернате. Там она усвоила: тишина в корпусе всегда предвещала что-то плохое.

В спальне на двадцать коек тишина была зловещей. Она могла означать только одно: либо старшие девочки за углом жестоко избивают кого-то послабее, либо воспитатели поймали нарушителя и уже наказывают его. Там нельзя было расслабляться ни на минуту. Безопасность зависела от умения постоянно быть начеку, угадывать шаги в коридоре до того, как скрипнет дверь, и от привычки спать, пряча под матрасом самые ценные вещи — огрызок карандаша или чёрствую корку хлеба.

После тех долгих, голодных лет Анна отчаянно не доверяла не только внешней тишине, но и даже собственному телу, если оно вдруг расслаблялось. Стоило их благополучной с Ромой квартире погрузиться в покой, как в животе появлялась знакомая фантомная тяжесть из прошлого. Сердце начинало колотиться о рёбра, сигнализируя об опасности. Именно поэтому ей было необходимо, чтобы вокруг что-то происходило, шуршало, двигалось — только в контролируемом хаосе её израненная психика находила извращенное подобие безопасности. А ровный штиль брака сводил её с ума, заставляя задышаться в стенах собственного дома.

Рома, наоборот, умел спать так, словно завтрашний день гарантированно наступит. Анна любила в нём эту железобетонную способность оставаться невозмутимым, но иногда именно она заставляла её чувствовать вину, будто бы она всё усложняет и портит.

Внутри неё уже давно жило негласное, тяжёлое «мы должны». Они пережили слишком многое, чтобы позволить себе развалиться на бытовых мелочах. Слишком многие тогда сломались, слишком многим не досталось этой заветной «обычной жизни», и Анна считала, что обязана ценить то, что имеет, даже если оно душило её.

Иногда она осторожно поворачивала голову и, смотря на спящего мужа, вспоминала утренние разговоры, которые неизменно сводились к коротким, выхолощенным фразам.

— Ты сегодня рано? — мог спросить он, не открывая глаз.

— Нет, — отвечала она, глотая ком в горле. — Совещание.

— Ясно.

И на этом всё заканчивалось, комната снова тонула в тишине. Ей хотелось встряхнуть его за плечи, заглянуть в глаза и спросить: «Ты что, не видишь, что мы живём как соседи?» Но она слишком хорошо знала, что будет, если подойти со своей болью не в тот момент. Поэтому Анна молча вставала, шла на кухню, готовила завтрак, собиралась и уходила, оставляя его в тёплой постели. И каждый раз ей казалось, что он даже не замечает того момента, когда защёлкивается замок входной двери.

Она пыталась вспомнить, когда именно между ними появилась эта тяжесть, но не находила конкретной точки отсчета. Кажется, всё стало иначе после того, как закончились большие трудности. Теперь нужно было не выживать, а жить. В трудные моменты они были иде-

альной командой. В мирной жизни — просто людьми, которые внезапно оказались обязаны уметь чувствовать друг друга.

Разрушение происходило постепенно, настолько медленно, что она долго не замечала изменений. Они продолжали жить вместе, ходить на работу, обсуждать бытовые мелочи и строить планы на неделю. Но при этом всё реже говорили о себе и о том, что чувствуют под этой глянцековой вывеской брака. Анна ловила себя на мысли, что рядом с ним она чаще думает, чем говорит, просчитывая каждую фразу. Это было первым тревожным сигналом, но она предпочла проигнорировать этот привкус беды.

Рома не был плохим мужем в общепринятом смысле. Он не изменял, не исчезал ночами, не забывал важные даты и не был бездельником. Он искренне считал, что этот сухой перечень и есть все проявления любви. Он вырос в семье, где шум, ссоры и примирения были нормой, где эмоции вспыхивали и гасли быстро, и никто не анализировал их по пунктам. Он любил её так, как умел: «я здесь», «я не ушёл», «я не предал». Это и было его языком любви, но она говорила на совершенно другом, где важно не просто остаться на месте, но и подойти самому, без напоминания.

Его мир был практичным, осязаемым. Роман искренне не понимал, зачем угадывать чужие желания, если можно спросить прямо. И он не понимал, что для Анны дело было не в конкретной вещи или закрытом вопросе, а в самом жесте, во внутреннем импульсе. Это не было черствостью с его стороны, скорее просто уверенностью в том, что он делает всё правильно и вопрос закрыт.

Когда Анна уставала и приходила домой позже обычного, он спрашивал, как прошел день, но не всегда ждал ответа. Иногда он автоматически задавал этот вопрос, продолжая смотреть в экран планшета или разбирать бумаги. Она отвечала кратко, потому что знала: подробности не вызовут живого интереса и утонут в текстуре вечера. Это не было равнодушием в чистом виде. Рома просто привык к тому, что Анна — это константа. Она рядом, она поддерживает, объясняет, помогает и подстраивается. И он даже не задумывался, что этот ресурс может исчерпаться.

Порой Аня всё же пыталась говорить подробнее, словно проверяя, изменилось ли что-то в его восприятии. Она начинала рассказывать про сложное совещание, про спор с коллегами, про решение, которое далось тяжело и оставило горький привкус. Рома кивал, но его взгляд то и дело скользил мимо неё, задерживаясь на экране телевизора.

— Подожди, — перебивал он, фиксируя лишь факты. — Ты говоришь, что они опять не согласились?

— Да, — отвечала она, надеясь на продолжение, на сочувствие.

— Ну, я уверен, что ты справишься.

На этом разговор обрывался, так и не дойдя до сути, до её внутренних переживаний. Анна замолкала, потому что понимала: её не слушают, а просто подводят сухой итог. И каждый раз ей приходилось проглатывать разочарование вместе с последними словами.

Время шло, и она заметила ещё одну вещь, которая сначала казалась обидной мелочью. Каждый раз, когда она пыталась что-то показать ему или рассказать о чём-то важном для себя, Рома неизменно отвлекался. Она могла подойти к нему с текстом, который долго формулировала в голове, и начать объяснять, почему это важно. Он кивал, но его взгляд оставался прикован к мерцающему экрану. Она говорила дальше, пока не понимала, что говорит в пустоту.

— Ром? — осторожно звала она.

— А?

— Ты слушал меня?

— Да, да, — отвечал он, а потом добавлял: — Подожди, можешь повторить ещё раз? Засмотрелся.

И она повторяла. Спокойно, стараясь говорить короче, понятнее, как будто проблема была в её формулировках, а не в его глухоте. Моментами Анна ловила себя на том, что уже заранее готовится говорить дважды, закладывая эту унижительную двойную работу в сценарий вечера. Это происходило так часто, что стало нормой. И дело было не в том, что он не понимал или не интересовался. Дело было в том, что её внимание всегда оказывалось вторичным, идущим фоном к его делам. Она могла замолчать посреди фразы, и он этого даже не замечал, продолжая смотреть в экран и не задавая вопросов.

Анна много делала для него и почти ничего не просила взамен. Она искренне считала, что любовь проявляется в действиях, а не в требованиях. Она радовалась его успехам искренне и без оглядки, даже когда сама чувствовала предельную усталость или разочарование. Подстраивала свой график под его встречи, дела, под его изменчивое настроение. Брала на себя большую часть домашних дел не потому, что он отказывался, а потому, что ей было проще сделать самой, чем пускаться в долгие объяснения. Рома воспринимал это как естественный порядок вещей. Он не видел в этом жертвы, потому что она никогда не называла это жертвой. Она улыбалась, когда он приходил уставший, и изо всех сил старалась сделать вечер спокойным. И каждый раз надеялась, что он заметит эту невидимую заботу. Но он не замечал.

Со временем Анна начала чувствовать странное напряжение, которое не имело конкретной, видимой причины. Она могла сидеть рядом с Ромой на диване, смотреть один и тот же фильм и отчетливо понимать, что они не вместе в этом моменте. Он смеялся в нужных местах, комментировал сюжет и иногда касался ее плеча. Но эти прикосновения были механическими и не несли в себе желания быть ближе. Она ждала отклика. Хотела, чтобы он посмотрел на нее так, как раньше, когда еще спрашивал, о чем она думает, и действительно ждал ответа. Вместо этого она чувствовала себя частью интерьера, удобной, привычной и незаметной, как картина на стене. Она не обвиняла его в этом вслух, потому что не могла сформулировать, что именно не так. Но внутри это ощущение накапливалось, оседая тяжелым осадком.

Однажды она положила голову ему на плечо, просто потому что хотела почувствовать живое тепло, убедиться, что он рядом. Рома не отстранился, но и не изменил позу. Его рука осталась лежать на подлокотнике, не сделав ни одного ответного движения, не прижав её к себе. Прошло несколько минут, прежде чем он вообще заметил её вес.

— Пф, тебе удобно? — спросил он.

— Да, — ответила она тихо.

Он кивнул и снова переключил всё внимание на сюжет. Анна пролежала так до конца фильма, чувствуя, как её горячее желание близости постепенно остывает, превращаясь в усталость. Когда она выпрямилась, он этого даже не заметил.

Первые серьезные разговоры начали прорастать после ссор, которые всегда вспыхивали по сущим мелочам. Рома мог сорваться на резкость, если был раздражен или сильно уставал на работе. Он огрызался, хлопал дверью, говорил слова, которые глубоко ранили, а потом удивительно быстро остывал. Для него конфликт заканчивался в ту секунду, когда он переставал злиться. Для Ани же он продолжался гораздо дольше, отравляя последующие дни. Она пыталась объяснить, почему ей больно, просила не говорить с ней в таком тоне. Рома слушал, извинялся и обещал быть внимательнее. Он говорил, что не хотел ее обидеть и что это больше не повторится. В такие моменты она верила ему, потому что отчаянно хотела верить, но спустя время все происходило снова, и каждое повторение делало внутреннюю боль глубже и безнадежнее.

— Ты можешь хотя бы дослушать? — спросила она тогда, стараясь, чтобы голос не задрожал.

— Я слушаю, — резко ответил он, сворачивая разговор. — Просто ты опять выносишь мне мозг на ровном месте.

Слова ударили. Анна почувствовала, как внутри всё сжимается в тугой узел.

— Для меня это важно, Ром.

— Для тебя всё важно, — не глядя, бросил он, уходя в другую комнату.

Она замолчала, потому что знала: если продолжит, он скажет что-то ещё более резкое и снова закроется в себе.

После таких ссор Рома часто хотел близости, как будто секс мог заменить сложный разговор. Он обнимал ее, тянул к себе в постели и говорил, что не хочет продолжать ругаться. Анна чувствовала, что абсолютно не готова. Ее тело не отзывалось, оставаясь холодным, потому что внутри жила непрощённая обида. Она не могла перешагнуть от тяжелого разговора к физической близости без промежуточного шага, без душевного примирения, которого он не понимал. Он воспринимал её отказ как капризы и иногда раздражался еще сильнее. Когда же инициатива исходила от нее в другие, мирные дни, он мог сослаться на занятость, усталость или просто отложить это на потом. Их желания все чаще не совпадали по времени, промахиваясь мимо друг друга. И это становилось еще одной точкой напряжения, о которой они почти не говорили.

В один из таких вечеров она не хотела объяснений, долгих разговоров или дежурных обещаний. Она просто хотела, чтобы её обняли. Не для примирения и не как знак окончания очередной ссоры, а как подтверждение того, что она всё ещё важна для него как женщина. Она сидела на краю кровати в темноте и долго молчала, собираясь с мыслями.

— Ты можете меня обнять? — вопрос прозвучал почти неловко, как выпрошенная милостыня.

Рома посмотрел на неё с искренним удивлением, словно не сразу понял, чего странного от него хотят. Он подошёл и положил руку ей на плечо, не прижимая к себе и не пытаясь стать ближе. Его ладонь просто лежала сверху, неподвижно и осторожно, как будто он боялся сделать что-то лишнее или потратить слишком много сил. Анна сидела так несколько секунд, понимая, что теперь чувствует себя еще хуже. Дело было не в том, как именно он ее обнимает, а в том, что он не захотел сделать это сам.

Спустя еще некоторое время она начала замечать ещё одну деталь, которая прежде ускользала от её внимания, растворяясь в быту. Рома почти никогда не говорил первым, что любит её. Эти слова звучали исключительно в ответ. Если она говорила это, уходя на работу, он отвечал автоматически, без паузы и сомнений, словно подтверждая давно известный, задокументированный факт. Но если она молчала, он тоже молчал неделями.

Сначала она не придавала этому значения, убеждая себя, что чувства не измеряются словами и штампами. Но со временем молчание стало слишком осязаемым. Она ловила себя на мысли, что каждый раз произносит это первой, как будто проверяя, существует ли это чувство еще между ними. Как-то она намеренно перестала произносить эти слова, ожидая, что он заметит паузу и скажет их сам. Она даже подстроила всё так, чтобы ему было максимально легко: стояла у двери, когда он уходил, задерживала взгляд, улыбалась чуть дольше обычного. Давала очевидные поводы. Но он просто чмокал её в щёку и бросал дежурное: «Я побежал».

Прошел день, затем ещё один, потянулась неделя, и ничего не изменилось. Он был рядом, разговаривал о делах, ел с ней за одним столом и желал спокойной ночи, но так и не сказал главного. И тогда она поняла, содрогаясь от этой мысли, что дело не в том, что он не любит, а в том, что он просто не чувствует внутренней необходимости это говорить. Для него всё и так было решено.

Однажды она всё же сказала невзначай о том, что её так мучительно беспокоит. Они сидели на кухне, Рома пил чай и лениво листал ленту новостей в телефоне, а она смотрела в окно на капли дождя, собираясь с мыслями.

— Знаешь, мне иногда не хватает таких глупостей.

— Каких?

— Ну, просто внимания, — ответила она и слегка пожала плечами. — Какого-нибудь маленького сюрприза, книги или блокнота, выбранного специально для меня.

Рома нахмурился. Это была та самая характерная складка между бровями, которая появлялась у него всегда, когда он сталкивался с тем, чего просто не мог понять логически.

— Если тебе что-то нужно, просто попроси, — сказал он. — Я же не экстрасенс, не знаю, чего ты хочешь в данный момент.

Она кивнула, делая вид, что соглашается. Ей не хотелось просить, ей хотелось, чтобы он подумал о ней сам. Чтобы возникло желание — порадовать её. Делать что-то не по списку и просьбе, а по внутреннему импульсу. Анна поймала себя на мысли, что боится просить, потому что за каждой просьбой неизменно следует ещё один изнуряющий шаг: долго объяснять, почему тебе это важно, а после доказывать, что ты не капризничаешь и не «выносишь мозг». Она смертельно устала оправдываться за свое право просто хотеть тепла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.